

*В. А. Ядов, С. Г. Климова, И. А. Халий, И. А. Климов,
А. В. Кинсбургский, М. Н. Топалов, К. Клеман*

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ПОДДЕРЖКИ РЕФОРМ И ПОТЕНЦИАЛ МАССОВОГО ПРОТЕСТА

Власть и социальная мобилизация: теоретические предпосылки

Как соединить индивидуальные предпочтения и предпочтения коллективных акторов с пространством институциональных практик, как преодолевать травматическое влияние неожиданных и радикальных социальных изменений? В ответе на эти вопросы мы будем использовать понятия **респонсивности власти** и **мобилизации коллективных социальных субъектов** (акторов).

Респонсивность власти А. Этциони определил как организованную способность системы воспринимать воздействие и отзываться на него оптимальным образом¹. Существует тесная связь между двумя свойствами социального управления – применением власти и респонсивностью. Оптимальное сочетание этих свойств выражается в достижении баланса согласия и принуждения. Если управляющая структура проявляет излишнюю восприимчивость, она оказывается неспособной эффективно вырабатывать и реализовывать собственные решения, потому что вынуждена расходовать ресурсы для того, чтобы гасить возмущения, корректировать собственные решения. В случае же чрезмерной ригидности управляющей структуры усиливается масштабность и плотность контроля, и, как реакция на это, возникает отчуждение подчиненного актора, накапливается рассогласование интересов власти и управляемых ею, разрушается основа для взаимодоверия и солидарности. Нарушения в респонсивности приводят к тому, что некоторые члены сообщества исключаются и из *отношений обязательств*, и из системы *нормативного контроля*. Появляются «дрейфующие» и отчужденные общности и группы.

---

¹ См.: *Etzioni A. Mobilization as a macrosociological conception // The British Journal of Sociology. 1968. V. 19. № 3; Id. Toward a macrosociology // Theoretical sociology. Perspectives and developments / Ed. by J.C McKinney, E. Tiryakian. N.Y., 1970; Id. The active society. N.Y., 1968.*

Другим полюсом проблемы респонсивности власти, по Этциони, является **социальная мобилизация** – процесс формирования новых субъектов социальной деятельности, солидарных сообществ, которые, одновременно с обретением внутренней целостности, получают возможность преобразовывать систему социальных отношений на основании альтернативного ценностно-нормативного образа – «фрейма» (идеологии, мифа). Относительно любой общности, объединения людей мы можем говорить о *субъектности*, подтвержденной ресурсами способности действовать ради достижения своих целей. Субъектность предполагает, что актер способен устанавливать правила в значимой для него системе отношений и принуждать партнеров, контрагентов следовать этим правилам, или хотя бы учитывать их¹. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим, это означает, что второй участник воспринимается в качестве *бессубъектного*.

Социальная мобилизация – процесс *коммуникативного преобразования социального окружения* мобилизуемого субъекта. Она – не только процесс внутригрупповой динамики, когда агент в действии *изменяет собственную структуру* и собственное действие (концепция «двойного морфогенеза» М. Арчер). Практика коллективного действия изменяет не только самого агента, но и организацию социальных сетей, в пределах которой реализуется его активность. Социальная мобилизация предполагает также, что активный агент самим фактом своей мобилизационной динамики *оспаривает суверенитет* других акторов и «требует» *перераспределения суверенитета* в сложившейся системе отношений.

В понимании социальной мобилизации есть смысл отказаться от представления, что это всегда протест, конфликт и дестабилизация. Это еще и ресурс для социального диалога. Именно с таким субъектом возможно работать на достижение консенсуса. В отсутствие социальных акторов, способных быть достаточно сильными для участия в конфликте и отстаивания собственных интересов, респонсивность власти как организованная способность воспринимать воздействия социальной среды перестает быть работоспособной².

---

¹ См.: Burns T., Flam H. The shaping of social organization. Social rule system theory with application. Beverly Hills, 1990.

² Климов И. Протестная активность в России: взаимная обусловленность стратегий конфликтующих сторон // Политические исследования. 1999. № 1. С. 148–161.

Общественные движения как акторы социальной мобилизации

Трансформации в России, начавшиеся в конце 1980-х годов, ознаменовались возникновением общественных движений, инициированных снизу. Этому способствовали гласность и общая атмосфера надежд, вызванных перестройкой¹, позже – финансовая поддержка зарубежных фондов.

Пусковым механизмом движений² стала *относительная депривация* – восприятие положения данной общности как незаслуженно ущемленной в сравнении с другими. Теоретические подходы к исследованию таких движений представлены рядом авторов³. Мы выделяем в данном случае обстоятельства, вызывающие относительную депривацию: имущественное и социально-экономическое неравенство, степень мобильности населения (проблема неравенства коренного населения и мигрантов), экологическое и связанное с глобализационными процессами этнонациональное (источник – ксенофобия) неравенства, неравенство политического участия и доступа к информации. Неравенства затрагивают практически все стороны и сферы жизнедеятельности российского общества. Отсюда необходимость создания механизмов, обеспечивающих возможности социально активной части населения уменьшать степень всех видов неравенства, что влечет за собой расширение круга социально активных граждан.

За короткий срок в 15 лет общественные движения в России прошли четыре этапа развития, весьма сходные с теми, которые были характерны для западных стран и проанализированы зарубежными учеными⁴.

Первый этап пришелся на конец 1980-х годов, когда страна откликнулась массовой активностью на появившуюся возможность социально-экономических и политических преобразований. Процесс развития политической активности шел ураганными темпами: движение чернобыльцев, народные фронты в Прибалтике, клубы интеллигенции, самоор-

---

¹ Kitschelt H. Political opportunity structures and political protest: anti-nuclear movements in four democracies // British Journal of Political Science. 1986. Vol. 161.

² Gurr T. Why Men Rebel. Princeton, 1970.

³ См.: Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13–23; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

⁴ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

ганизирующиеся профсоюзы, женские и молодежные организации, «афганцы» и т.д. Этот период развития российских общественных движений близок к первому этапу их развития на Западе. Как и у западных в 1930–50-е годы, они были слабо организованы, цели еще не были четко сформулированы и осознаны. Тем не менее эта «поросль» стала основой дальнейшего развития общественной самоорганизации и самоуправления.

Второй этап (первая половина 1990-х годов) проходил в условиях разрушения старых форм государственности и экономического кризиса. Возникла необходимость объединяться для обустройства жизни различных социальных групп. Ситуация эта весьма сходна со вторым этапом развития социальных движений на Западе в 1960–70-е годы. Близкими оказались и основные задачи – разрешение конкретных проблем. Таковы экологическое движение, организации, созданные для разрешения социальных проблем определенных сообществ – детей, инвалидов, женщин, соседских общин и др. С этого периода начинается поддержка движений западными фондами. Политические движения превращаются в партии и выпадают из категории общественных движений.

Отличие заключается в том, что западные движения легитимировали свою деятельность. Институционализация же российских движений, как и на первом этапе, заключалась лишь в законодательном признании их права на существование. Их деятельности не препятствовали, но и всерьез не принимали. К участию в принятии решений почти не допускали. В результате и у общества сформировалось недоброжелательное отношение к неправительственным организациям. Наши респонденты тогда (да и сегодня) говорили, что мотив участия в движениях – достижение личных целей лидерами и активистами.

На **третьем этапе** (вторая половина 1990-х годов) общественные движения продолжали выражать экономические и социальные интересы различных социальных групп и оказывать им помощь, часто – вместо государства. Они по-прежнему стремились к институционализации. Государство также не изменило своей политики в отношении самоорганизации граждан. Зато зарубежные фонды все больше и больше обнаруживали склонность финансировать лишь те организации, которые зарегистрированы, имеют офис и штат, успешную историю действий. Особо поддерживались проекты, предполагающие сотрудничество органов власти и неправительственных организаций. Однако установка иностранных фондов на развитие встроенных в политическую систему неправительственных организаций все больше сдерживала этот процесс.

Рассматривая существенные **особенности «новых» движений**, все респонденты подчеркивают **значимость лидера**. От него в первую очередь зависит стратегия развития организации – ее готовность участво-

вать в союзе с другими организациями, репертуар действий. И, соответственно, от него исходит толчок к созданию сети. Во всех известных нам случаях коалиции создаются именно вокруг лидеров или даже по инициативе одного лидера, пользующегося авторитетом. По словам активистов, такой авторитет не связан ни с формальным статусом, ни со способностью обеспечить материальными благами членов организации. В ряду его основных качеств назывались: уважаемый среди соратников, моральные качества, организаторские (мобилизационные) способности («человек, который ведет за собой людей»); преданность общественному делу; стремление к соответствию слов делу; неподкупность и принципиальность; стратегическое видение. Задача участников движений – усилить и расширить авторитет лидера, поскольку он определяет авторитет всей организации. По мнению Колемана, авторитет лидеров нового типа ближе к «совместному авторитету» (*conjunct authority*), чем к «расходящему» (*disjunct authority*), и точно не имеет ничего общего с вынуждающим (репрессирующим) авторитетом¹.

Общественная деятельность лидера занимает больше времени, чем профессиональная или частная жизнь. Они обладают достаточно высоким культурным капиталом. У большинства – высшее образование. Среди них много лиц творческих или интеллектуальных профессий – юристы, музыканты, артисты, учителя, ученые, журналисты, высококвалифицированные рабочие. Как правило, они не относятся к обезпеченному слою населения. Лидеры обладают известностью и социальным признанием, о них знают больше, чем об их организациях. Главный их капитал – *социальный*²: у всех огромное количество контактов (несколько сотен в среднем) и у всех, или почти у всех, есть четкое понимание необходимости их наращивания в самых разных целях – для развития организации, поиска ресурсов, создания сетей.

Другая важная особенность любого движения – наличие активистов, их мотивации. По мнению А. Турена, существуют три группы активистов: ядро (перманентные), симпатизирующие (время от времени помогающие) и участники акций (участвующие только время от времени в отдельных мероприятиях). Мотивация ядра близка, как правило, к мотивации лидера. У последнего она более политизирована, идеологизирована («спасти страну от неминуемой гибели», «бороться за будущее наших детей», «изменить систему», «построить справедливое общество» и т.п.),

---

¹ Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, 1990. P. 69–78.

² См.: Ibid.; Bourdieu P. *Le capital social*. Notes provisoires // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1980. № 31; Putman R.D. *Making Democracy Work*. Princeton, 1993.

лидер имеет более обширный и системный взгляд на общественную деятельность. «Ситуативные» участники активизируются в основном из-за чувства протеста, очень часто по конкретной проблеме. Самоидентификация «участующих» – скорее эмоциональная, не вполне или вовсе не рационализирована; она многообразна. В зависимости от ситуации и от «проблемной группы» люди солидаризируются с теми или с другими. Самоидентификация с другими конструируется в процессе активизации. Например, люди становятся «жителями Таганки», «жителями общежитий города Москвы», «левой молодежью», чернобыльцами и т.д. И только потом, если «бренд» уже признан и привлекателен, он становится ориентиром для идентификации и стимулом мобилизации.

Все или почти все наши респонденты принадлежат к организации или протоорганизации. При этом далеко не для всех организация – самоцель. Можно этот тезис иллюстрировать отношением активистов к «рекрутменту» (привлечению новых членов). Активисты не прилагают особых усилий для этой цели: «Если ты занимаешься конкретными делами, организуешь яркие акции, которые имеют некий резонанс, то люди сами присоединяются»; «Мы не занимаемся вербовкой; мы растем спонтанно достаточно, т.е. диким образом совершенно».

В качестве главного препятствия в активизации движений многие указали на недостаток ресурсов, в первую очередь материальных. В большинстве организаций ядро работает на общественных началах. Часто лидеры тратят даже свои личные деньги. Движения, как правило, объединяют людей, ущемленных в социальном плане (пенсионеры, рабочие, жители общежитий, не преуспевающая молодежь и т.п.). По роду своей деятельности они мало подходят для получения грантов. Грантодателей, кроме того, смущает их протестная направленность. Остаются другие источники материальных ресурсов: взносы, коммерческие проекты, пожертвования сторонников, спонсорская помощь бизнеса или финансовая помощь более богатой организации. В двух последних случаях стоит вопрос об угрозе независимости. Недостаток информационных ресурсов преодолевается формированием альтернативного информационного поля: интернет-издания, газеты.

Социальным движениям характерны *противоречия* между демократичностью и эффективностью («чтобы добиваться реального результата, нужна четкая структура, но при этом полная свобода выражения мнений, принятия решений. В общем, мы стараемся от этого не уходить»), между гибкостью и прочностью связей внутри организации. *Гибкость* предполагает отсутствие жесткой дисциплины, сохранение плюрализма взглядов, меняющийся алгоритм действий в зависимости от ситуации: «Мы – свободная коалиция. В нее входит любая организация, кото-

рая разделяет [наши] политические, организационные принципы. Естественно, у нас полный плюрализм мнений». Гибкость не исключает существование минимальных организационных принципов. Обычно она обеспечивается консенсусом, отсутствием формализации (нет устава, нет регистрации) и отсутствием формального руководства. Межличностные контакты играют ключевую роль в создании и сохранении сети.

Создание *сетевых структур* воспринимается как способ мобилизовать больше людей достичь такой «критической массы», при которой социальное движение становится реальностью, и добиться конкретных результатов. Сетевой принцип используется и для донесения информации до населения и участников сети.

Несмотря на различия в оттенках и определениях, власть выступает как общий оппонент почти для всех активистов, и служит основой для объединения самых разных общественных и политических сил. Тем не менее, некоторые активисты высказывают предпочтения о неформальных контактах с людьми во власти или стратегии социального партнерства. Очень популярным является лозунг «гражданского контроля». Но самая распространенная позиция состоит в том, что отношения с властью надо строить с позиции силы: «Я считаю, что диалог всегда лучше, чем не диалог. Но вместе с тем, считаю, если социальная группа хочет себя защищать, она должна действовать максимально жестко, и в постоянном движении. Потому что правительство вообще и у нас особенно, на мой взгляд, понимает только силу».

Вместе с тем действует притягательная сила власти: «Надо войти во власть для того, чтобы получить политические, административные и материальные ресурсы». Даже самые ярые оппоненты власти не пренебрегают административными ресурсами. Очень распространенная позиция идти во власть исключительно на местном уровне или на уровне законодательной инициативы. Так, многие лидеры региональных коалиций участвуют в местных выборах. Другие предпочитают налаживать личные связи с «полезными» людьми во власти. Третьи ищут институциональную партию, которая отстаивала бы их интересы или брала бы некоторых из них в свой партийный список на выборы. Четвертые все еще надеются на институциональные каналы влияния на власть.

Исходя из изложенного, закономерен вопрос: «Можно ли заключить, что мы наблюдаем период становления новых акторов, социальных движений, занимающих самостоятельную позицию, способных реально контролировать власть и влиять на социально-политическую систему?». Ответ на него, похоже, остается открытым.

Экополитические конфликты в регионах России

Предметом анализа является проникновение глобализации на местный уровень и вызванные этим экополитические конфликты. З. Бауман пишет: «Под тонким слоем пены глобальных символов, ярлыков и услуг кипит котел неизвестности, которая нас не слишком интересует и о которой нам, в общем, нечего сказать»¹.

Проанализируем конкретные случаи.

Движение «сопротивления» угрозе среды обитания опирается на идентичность – «я – гражданин своей малой родины». Многие люди осознают себя, свою жизнь и жизни последующих поколений неразрывно связанными с местом проживания. Локальная гражданская идентичность выкристаллизовывается в непосредственном столкновении активных членов местного сообщества с конкретными представителями международных финансовых и промышленных структур, которые чаще воспринимаются как противники, поскольку привносимые ими инновации не всегда безболезненно вписываются в местный контекст, но от которых локальный мир зависит. В результате, как справедливо заметил З. Бауман, «наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны»². Проникновение глобализации на местный уровень нередко интерпретируется представителями местных сообществ как процесс, сопровождающийся появлением различных социальных, экономических, экологических, этических и морально-нравственных рисков. Об этом свидетельствуют суждения наших респондентов – лидеров общероссийских и региональных неправительственных организаций (НПО) и рядовых жителей.

Самыми распространенными являются опасения, вызванные перспективами экологических нарушений. Возникновение предприятий ТНК в российских локальностях осуществляется все в большем масштабе почти беспрепятственно, поскольку областные и районные власти рассматривают это как фактор, стимулирующий развитие местной экономики. При этом ТНК часто не заботятся не только об экологических последствиях своей деятельности, но и не ставят перед собой цели разрешения местных социальных проблем. Их главная задача – рост прибыли. Возникает конфликт интересов представителей ТНК, с одной стороны, и представителей НПО, с другой. Решения о размещении предприятий прини-

---

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

мают власти, у общественности один путь быть услышанными – публичные действия.

В исследуемых конфликтах можно выделить ряд акторов, характер взаимодействия которых определяется их целями и ресурсами. *Первый* – экологические неправительственные организации, действующие на местном, региональном, общероссийском и даже международном уровнях. Именно они артикулируют проблему и пытаются добиться ее разрешения путем мобилизации населения. *Второй* – представители иностранного бизнеса. Российские предприятия (чаще всего это крупный бизнес) могут выступать в качестве их партнеров. Их политический ресурс – поддержка властей всех уровней. ТНК часто уверены в своей защищенности от протестных выступлений местных сообществ.

Результаты противостояний также классифицируются по ряду моделей. Первая – перенос предприятия, против строительства которого были активные выступления, из одного места в другое. Результат нельзя назвать позитивным, поскольку проблема остается практически неразрешенной. Вторая – достижение согласия, что наиболее приемлемо, если согласие не окажется лишь тактическим ходом одной из сторон. И третья – полное игнорирование со стороны ТНК позиции и интересов населения.

Однако в любом случае достигается важный результат – формируется самосознание и осуществляется самоорганизация определенной части местного сообщества, что *свидетельствует о развитии гражданского общества, ибо возникает ситуация публичного обсуждения проблем и решений, диалог власти и общества.*

Профсоюзы в поисках влияния

В ряду признаков, определяющих сформированную социальную субъектность, немаловажно наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта. В настоящее время суверенитет профсоюзов в целом ставится под сомнение в общественном мнении. Данные массовых опросов показывают, что большая часть россиян воспринимает их как зависимую от работодателей и власти структуру. Принятый в 2002 г. Трудовой кодекс значительно ущемляет права профсоюзов по сравнению с законами, принятыми в первой половине 1990-х го-

дов. Наемные работники, особенно занятые в новых секторах экономики, оказались менее защищенными от произвола работодателей¹.

Есть ли у нынешних профсоюзов установки на поиск союзников, и если да, то кто эти союзники? Есть ли у профсоюзов установки и возможности для диалога с властями, и какие это установки и возможности? Поиску ответов на эти вопросы было посвящено наше исследование².

Сложилось так, что новые (самоназвание «свободные») профсоюзы возникали как альтернатива входящим в систему ВЦСПС–ФНПР. Их главное отличие в том, что они не допускают (или допускают с существенными ограничениями) членство работодателей. Они слабее ФНПР в экономическом и организационном отношении. Лидеры ФНПР воспринимают представителей свободных профсоюзов не как своих естественных союзников, но как конкурентов. При их активном участии и принят новый Трудовой кодекс. В соответствии со статьями 29, 30, 31, 37 ТК, легитимным представителем интересов работников признается лишь профсоюз большинства (как правило, входящий в ФНПР) или «иной выбранный орган», если профсоюза большинства на предприятии не существует. Однако иной представительный орган не определяется. Вместе с тем «профсоюзы большинства» пользуются поддержкой не более 20% работников³. Но даже их позиции оказались ослабленными.

Борьба между «свободными» и «независимыми» профсоюзами чаще всего распространяется на первичные организации. «Независимые» профсоюзы в новых условиях не умели отстаивать социально-трудовые права работников. Осваивали эту социальную практику «свободные» профсоюзы. Их коллеги из ФНПР начинали перенимать опыт судебных тяжб с работодателями по условиям колдоговоров, знания забастовочных процедур⁴. Известны случаи, когда на предприятии два профсоюза объединялись для совместных действий или для заключения коллективного

---

¹ *Бизюков П.* Почему наемные работники не поддержали либеральных политиков? // [online] <http://www.ikd.ru/critiview/syndicat/Liberal>.

² Материалом для него послужили: данные опроса участников Социального конгресса (Москва, 2005 г.); опроса экспертов, проведенного Фондом «Общественное мнение» в августе 2005 г. и посвященного формированию Общественной палаты; материалы, публикуемые профсоюзами.

³ Репрезентативный опрос населения России, проведенный Фондом «Общественное мнение» 12 мая 2001г. Аналогичные данные получены самарскими социологами. См.: *Бочаров В.* Институционализация договорных трудовых отношений на предприятиях // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 63–68.

⁴ *Бизюков П.* Указ. соч.

договора. Иногда профсоюзы, входящие в ФНПР, и альтернативные сотрудничают и на региональном уровне. Но, как правило, практика солидарной поддержки между профсоюзами отсутствует.

Практически все новые профсоюзы декларировали политическую нейтральность, но полностью политически нейтральными не были. На этапе становления они сотрудничали с демократическими партиями. Но в дальнейшем, вплоть до последнего времени, старались быть политически нейтральными, лишь изредка соглашаясь на совместные акции. История кратковременных альянсов с партиями показывает, что политики (чаще – экстремистского толка) появляются рядом с профсоюзами, когда возникает кризисная ситуация, и к этому кризису привлечено внимание общественности. Тогда они стараются встать в первых рядах возмущенных людей, чтобы запечатлеть себя на телевизионных экранах. В этой роли часто выступали активисты и лидеры ЛДПР¹.

Выборы в Думу только по партийным спискам делают невозможным проведение в нее представителей профсоюзов по одномандатным округам, и потому «свободные» профсоюзы ищут новые способы политического влияния. Это либо создание своей партии, либо альянс с уже существующими. Один из альтернативных профсоюзов – «Соцпроф» осенью 2004 г. вошел в Народно-патриотический союз России. Сейчас организационно оформился так называемый «Комитет единых действий левых сил». Туда входит Молодежный левый фронт «МЛФ» (И. Пономарев) и два профсоюзных объединения: Всероссийская конфедерация труда и Конфедерация труда России (через них поддерживаются контакты с профсоюзом авиадиспетчеров, работников «Норникеля», Московского метрополитена)². Некоторые свободные профсоюзы участвуют в создании «Партии трудовой солидарности» (например, О. Шеин).

Как организационно оформленные союзы, так и ситуативные альянсы выглядят весьма непрочными, но *заметна устойчивая тенденция «полевения» профсоюзов*. Тот факт, что и политические организации «новых левых», и альтернативные профсоюзы малочисленны, не означает, что эти процессы недостойны внимания и анализа.

«Свободные» профсоюзы всегда активно сотрудничали с правозащитными общественными организациями. Правозащитные центры, как правило, не отказывают в содействии, когда требуется защитить социаль-

---

¹ Борисов В.А., Бизюков П.В., Бизюкова В.А., Бурнышов К.В., Донцова И.В. Социально-экономический конфликт в шахтерском городе. М., 1995. С. 19.

² Закатнова А. Жертва реформы. Профсоюзы не спешат прислоняться к партиям // Российская газета. 2004. 24 июля.

но-трудовые права. Это относится и к тем, кто не декларирует прямо защиту социально-трудовых прав (например, Московская Хельсинкская группа). Более того, региональные правозащитные центры часто создаются при активном содействии и прямом участии свободных профсоюзов (центр «Сутяжник» в Екатеринбурге, правозащитные центры в Воронеже, Рязани и других городах). Там, где есть сильные региональные организации «свободных» профсоюзов, они начинают выполнять функции правозащитных центров.

Нынешнее состояние профсоюзов в России – исторически уникальное, постсоветское явление. Оно не сопоставимо ни с историей становления рабочего движения, ни с современным положением профсоюзов в Северной Америке и Западной Европе, в Польше или Чехии. В западных странах ранее сильные профсоюзы добились принятия законов, обеспечивающих интересы наемных работников в системе трипартизма. Трудовое законодательство гарантирует соблюдение договорных отношений работников и работодателей на всех уровнях, независимо от членства в профсоюзе наемных работников, фиксирует минимальную заработную плату с учетом характера работы, региональных условий и т.п.¹ Принцип партнерства двух сторон трудовых отношений институционализирован.

В странах бывшего СЭВ – членах ЕС идет процесс унификации трудового законодательства на той же основе. В бывших советских республиках, как и в России, ситуация крайне нестабильна, и в будущем может развиваться по разным сценариям, из которых два альтернативны: болезненно-конфликтный или же нормально диалоговый между союзами предпринимателей, профсоюзами и центральной властью. Важно также подумать о безотлагательном приведении *трудового законодательства в полное соответствие с принципом партнерства*, который фиксирован Конституцией РФ. *В противном случае, как было показано, будет возрастать вероятность конфликтного сценария.*

Потенциал массового протеста: динамика настроений граждан

С началом рыночных реформ показатели социального недовольства то усиливались, то слабели. Если, по данным социологических опросов, доля неудовлетворенных в начале 1980-х годов не превышала 30–

---

¹ Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Д. Дебарделебен, С. Климовой, В. Ядова. М., 2004. С. 27–60.

40%, то с начала 1990-х этот показатель стабильно держится на уровне 50–60%. По оценкам Ю. Левады, от двух третей до трех четвертей российского населения считают, что «живут хуже, чем раньше», «значительно хуже, чем рассчитывали», и сверх того – «хуже, чем большинство окружающих людей»¹. Наблюдались резкие всплески этих показателей, например, весной 1997 г., на пике неплатежей, или осенью 1998 г. в результате дефолта. Однако уже через некоторое время их значения возвращались на прежний уровень, неизменно снижаясь в весенне-летний и несколько возрастая в осенне-зимний период.

Динамика массового протестного потенциала, характеризуемого готовностью к личному участию в уже начавшихся акциях протеста, в общих чертах повторяет тенденции изменения социального недовольства, но на более низком уровне. Те, кто готов публично протестовать, составляют примерно половину/две трети от числа недовольных (в среднем 20–25% от всех опрошенных). Еще ниже показатели реального участия в массовых акциях – 5–10% от общего числа участников опросов. По данным ВЦИОМ (1997 г.), всеми видами протестных акций за год было охвачено 7% опрошенных². Сложилась относительно противоречивая ситуация, когда относительно высокая доля недовольных сочеталась со сравнительно низкой долей готовых протестовать и тем более реально участвующих в акциях протеста.

Основой декларативного протеста в России в 1990-е годы были жители малых городов и сельской местности, на долю которых приходилось примерно 4/5 всех потенциальных «протестантов». Москва и мегаполисы отмечаются большим разрывом между высокими ожиданиями/опасениями массовых акций протеста и низкой готовностью участвовать в них. Сибирь и Дальний Восток характеризовались как «центр недовольства и выступлений», а Урал и Предуралье, напротив, как «опорный край державы».

С началом нового десятилетия отмечается спад социального недовольства и протестной активности россиян³. Это объясняется повышенным электоральным ожиданием в отношении нового Президента РФ Путина, надеждами на укрепление государства, наведение порядка, усиление борьбы с коррупцией и т.п. и благоприятной экономической конъюнктурой на мировом рынке энергоносителей, которая позволяла прави-

---

¹ Левада Ю.А. Человек недовольный: протест и терпение // От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000.

² Левада Ю.А. Массовый протест: потенциал и пределы // Там же.

³ Климов И. Указ соч.

тельству решить многие финансовые проблемы – ликвидировать задержки платежей, повысить зарплаты и пенсии и т.д. Этот период сопровождался и вспышками социального недовольства. В начале 2005 г., после введения в действие закона о «монетизации льгот», например, недовольство выплеснулось на улицы и, более того, приобрело политический характер (требование отставки правительства и т.п.).

Основные уроки этих событий следующие: 1) в нынешней («путинской») России действия протеста столь же вероятны, как и в прежней («ельцинской»); 2) эти действия могут приобрести подлинно массовый характер, затрагивая широкие слои общества, и 3) в результате массовых протестов власть вынуждена корректировать свою политику, то есть массовый протест вполне может оказаться действенным и результативным.

Протестный потенциал и социальная адаптация. По данным всероссийского опроса в марте 1997 г., среди тех, кто больше уже «не может терпеть свое бедственное положение», готовность участвовать в акциях протеста выразили 46%¹. Это говорит о том, что «КПД» социального недовольства (готовности лично присоединиться к протестующим), не превышает 50%. Отчасти это объясняется тем, что среди недовольных встречаются люди, которые по объективным причинам (плохое состояние здоровья, преклонный возраст, обремененность семейными заботами и др.) даже гипотетически не видят себя среди участников пикетов, митингов, демонстраций, забастовок и др., однако главным мотивом вербального отказа от участия в подобных действиях является неверие в их эффективность.

В переходный период люди считают важным приспособление к меняющимся условиям. На вопрос о возможных действиях в случае длительной невыплаты зарплат, пенсий, стипендий и т.п. 49% указали на дополнительные заработки; 21% – влезть в долги, 13% – принять участие в акциях протеста, другие способы – 3%, затруднились ответить – 14%². Значительная часть недовольных, таким образом, склонна скорее к адапционной, чем протестной активности. Склонность к социальной адаптации играет роль своеобразного «амортизатора» социального недовольства, который не позволяет последнему трансформироваться в массовый протест.

Около 40% потенциальных «протестантов» – это те, кто живет в относительном достатке. В массовых акциях протеста, кроме того,

---

¹ Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ. 1997. № 3 (29). С. 8.

² Данные представительного всероссийского опроса, проведенного службой Vox Populi в ноябре–декабре 1992 г.

склонны участвовать и те, кому, как говорится, «за державу обидно». В июле 1995 г. служба Vox Populi (VP) выделила две непересекающиеся группы: озабоченные исключительно материально-экономическими условиями жизни и обеспокоенные сугубо морально-политическими проблемами. Особенность первой группы – относительное преобладание в ней женщин (65%), лиц с общим средним и более низким образованием (57%), промышленных и сельскохозяйственных рабочих (50%), жителей малых городов и сельской местности (60%). Вторую группу в основном составили представители так называемых «продвинутых» или «высокоресурсных» групп: мужчины (51%), лица с высшим и средним специальным образованием (72%), служащие, специалисты и руководители (64%), жители крупных и средних городов (56%).

Преобладание адаптационных настроений над протестными было характерно для российского общества в 1990-е годы, когда многие россияне видели свою личную задачу в том, чтобы «выжить», приспособиться к условиям рыночной экономики. Что же изменилось в общественных настроениях в начале 2005 г.? Почему пенсионеры и другие категории льготников, которые традиционно были оплотом власти на выборах, «восстали» против замены «натуральных» привилегий денежными компенсациями?

Монетизация льгот стала последней каплей, переполнившей чашу терпения, потому что она не просто нарушила сложившийся хрупкий баланс доходов этой категории населения и ее возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей, но и вызвала *сознательный отказ от адаптации* к предлагаемым мерам. Нововведения были восприняты в основном как несправедливые, по крайней мере, по трем основаниям. Во-первых, они затронули интересы только рядовых граждан, не коснувшись привилегий высшей бюрократии и вообще правящего класса, во-вторых, продемонстрировали вопиющее неравенство в распределении государственных доходов между населением/бюджетниками и государством (госбюджет, золотовалютный резерв, стабилизационный фонд и т.д.) и, в-третьих, затронули базовые ценности ветеранов и пенсионеров. Льготы имеют для последних не только материальное измерение, но символизируют выражение заслуг перед обществом. В сознании потенциальных «протестантов» произошел синтез недовольства материально-экономическими условиями жизни и чувства *несправедливости*. *Очевидно, что такого рода реформы следует подвергать до запуска оценке не только экономистами и управленцами разных уровней, но также экспертизе гуманитариев – социологов, социопсихологов и других.*

В механизме трансформации социального недовольства в потенциал массового протеста важную роль играют два обстоятельства: степень осознания массой граждан объективных оснований, мотивов недовольства (чем недовольны, что не удовлетворяет) и его адресата (кем недовольны, кто виноват). Всплески недовольства фиксируются в среде малоимущих и социально незащищенных слоев населения, чье благополучие во многом зависит от государства. Причины социального и политического характера (резкая имущественная дифференциация, отсутствие социальных гарантий, разгул преступности, а также слабость и беспомощность власти, низкий международный престиж страны и т.д.) в массовых опросах занимают обычно второе – третье места в иерархии наиболее острых проблем, волнующих людей.

Что касается адресата недовольства, то в массовом сознании он прочно ассоциируется прежде всего с институтами власти. По данным фонда «Общественное мнение», 33% опрошенных недовольны федеральными властями, 25% – региональными. В последние годы с построением «властной вертикали» дифференциация на федеральную и региональную власть, с точки зрения обвинений со стороны общественности в неэффективном управлении, теряет смысл: все претензии концентрируются на уровне федеральных структур.

Проблема социального недовольства и протеста осознается в массовом сознании как конфликт народа и власти, общества и государства в узком значении этих понятий. По данным всероссийского опроса, проведенного службой ВР в конце 1992 г., 46% опрошенных указали, что взаимоотношения народа и правительства по сравнению с другими видами социальных конфликтов отличаются наиболее высокой напряженностью.

В рамках конфликтологической парадигмы по Дарендорфу, конфликты способствуют позитивным изменениям. Это означает, что противоречия между участниками конфликта должны быть хорошо осознаны и четко предъявлены, а не вытеснены из поля общественного внимания. Принципиальную важность приобретает вопрос о формах массовых акций протеста, а именно проблема их легитимности в массовом сознании. Основанием для различия недопустимых и допустимых конфликтов в восприятии россиян выступает наличие или отсутствие элементов насилия (угрозы насилия) над личностью и имуществом. Проблема в том, что ненасильственные акции протеста далеко не всегда оказываются достаточно результативными. Именно потому возрастает общественная поддержка

насильственных, нелегитимных действий, например, блокирования автомагистралей.

До начала 2005 г. представление о неэффективности массовых действий протеста абсолютно преобладало в общественном мнении. После недавних акций льготников ситуация изменилась. Как показал один из последних опросов ФОМа, 56% россиян уверены, что с помощью акций протеста можно добиться решения той или иной проблемы, тогда как противоположной точки зрения придерживается примерно треть опрошенных (30%).

Питательная среда для массовых протестов в ходе модернизационных реформ, скорее всего, не иссякнет, но обогатится. Задача реформаторов состоит в том, чтобы избежать перерастания латентного недовольства в волнения и беспорядки. Опираясь на данные опросов, мы полагаем, что для выполнения этой задачи, власти должны соблюдать, по крайней мере, ряд условий: расширять возможности социальной адаптации, массового приспособления к изменяющимся условиям жизни в результате проводимых реформ, в том числе за счет принятия достаточно справедливых, понятных обществу и обоснованных управленческих решений. Это предполагает их предварительное *публичное обсуждение*; уметь договариваться с оппозицией во властных структурах и в среде интеллигенции по принципиальным вопросам развития страны; отказаться от представления, что массовые акции непременно ведут к дестабилизации. Они позволяют власти вести социальный диалог в обстановке обостренного внимания граждан к предмету массового недовольства. Наконец, как социологи мы обязаны еще раз напомнить инициаторам реформ, что недопустимо игнорировать их социальный эффект.